

БЕЗОПАСНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

С.Г. Максимова (<https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>),
О.Е. Ноянзина (<https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>),
Д.А. Омельченко (<https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>)

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: noe@list.ru, svet-maximova@yandex.ru, daria.omelchenko@mail.ru*

Целью работы является попытка выяснить, насколько эксклюзия проявляется в повседневной жизни населения Алтайского края, имеет ли место самоисключение индивида, особенно из системы общественных связей, или «пространства социальных отношений». При этом авторы придерживаются мнения о том, что безопасные общественные отношения операционализируются через инклюзию и социальную поддержку. В исследовании особенностей социальной эксклюзии и безопасности в системе общественных отношений населения зрелого возраста (2019) приняли участие жители городов и сельских поселений Алтайского края в возрасте зрелости (женщины 40–54 лет и мужчины 40–59 лет, $n = 318$). В рамках статьи использованы следующие показатели: самооценка степени активности, направления общественной активности, самоэксклюзия общественного участия, социально-политическая активность, вовлеченность в дела семьи и проблемы домохозяйства, включенность взрослого населения в социальные сети. Сделан общий вывод о более разнонаправленной жизненной активности опрошенных с более высоким социальным статусом, который позволяет им не только расширять возможности досуга и отдыха, дает более широкий доступ к инфраструктурным возможностям и услугам, как мы ранее отмечали, но и формирует интерес к разнонаправленной деятельности, включению в социальную сферу, повышая социальную и гражданскую активность. Низкие статусные возможности снижают потенциал активности и чаще направляют активность опрошенного в какое-то одно русло — будь то работа (при наличии), уход за детьми, самообслуживание, исключая низкостатусных индивидов из процессов, происходящих в обществе.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, инклюзия, социальная безопасность, социальная активность, общественные отношения, взрослое население, Алтайский край.

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России» (2019–2021 гг.).

SECURITY AND SOCIAL EXCLUSION OF ADULT POPULATION OF THE ALTAI REGION IN THE SYSTEM OF PUBLIC RELATIONS

O.E. Noyanzina, S.G. Maximova, D.A. Omelchenko

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: noe@list.ru, svet-maximova@yandex.ru, daria.omelchenko@mail.ru*

The aim of the article is the understanding how exclusion manifests in the everyday life of adult population of the Altai region, if there are any exclusion of individuals out the system of public networks and “space of social relations”. Authors consider safe social relations operationalized through inclusion and social support. The survey realized among urban and rural adult population of the Altai region (women at the age of 40 — 54, men at the age of 40 — 59, n = 318). Paper covers the following indexes: self-evaluation of level of activity, self-exclusion of social participation, social-political activity, inclusion in to the family affairs and problems of household, and inclusion into social; networks. Concluded, that there is a multidirectional public activity of persons with higher social status, which let to empower opportunities of leisure and makes infrastructure opportunities and services widely available, but forms interest to different activity, inclusion into social sphere and increases public and civic activity also. Low status opportunities decrease the potential of activity and redirect person’s activity to one direction — job (if any), child care, self-care, and exclude individual out of the social processes.

Keywords: *social exclusion, inclusion, social security, social activity, public relations, adult population, the Altai region.*

DOI 10.14258/ssi(2019)3-6363

Введение

Большинство работ в области социальной эксклюзии сфокусированы на рассмотрении проблем групп, находящихся в состоянии повышенного риска социальной эксклюзии: пожилых, женщин, меньшинств, людей с ограниченными возможностями и т.д. (Максимова и др., 2017). Дискуссии на тему эксклюзии взрослого населения, оценки влияния на эксклюзию взрослого и зрелого населения таких факторов, как родительское окружение, условия, в которых проходило детство, поведение, социальный опыт, межпоколенческие и внутривпоколенческие особенности передачи социальной эксклюзии, довольно редки.

Одной из сложностей является отсутствие рабочего определения социальной эксклюзии. Социальная эксклюзия, безусловно, шире, чем проблемы бедности, но несомненно и то, что бедность является основным прекурсором, маркером или компонентом социальной эксклюзии (Noyanzina et al., 2018; Максимова и др., 2017). В равной степени социальная эксклюзия зависима от целого набора экономических переменных, таких как статус безработного или принадлежность к профессиональ-

ной нише. Открытым остается вопрос, что еще следует рассматривать в качестве социальных маркеров эксклюзии — благополучие, демографические характеристики, жилищные условия, здоровье, психологические характеристики? Очевидно, что недостаток социальных контактов, взаимодействий, зависимость от пособий и социальных выплат, одинокое родительство, неблагоустроенное проживание, наличие физических или психических проблем будут выступать в качестве предпосылок или компонентов социальной эксклюзии. Более того, поскольку социальная эксклюзия — понятие скорее относительное, чем абсолютное, «клубок» обстоятельств всегда будет принимать индивидуальные формы, а полное и «нормальное» включение в общество будет неизбежно изменяться с возрастом. С учетом такой неопределенности целесообразно исследование широкого спектра атрибутов, которые могут выступать в качестве индикаторов социальной эксклюзии, а также взаимосвязи между этими атрибутами. Такая постановка вопроса усугубляется отсутствием методологии эмпирического анализа и достаточности существующих методик оценки различных аспектов социальной эксклюзии, а также ограниченным объемом данных для вторичного анализа проблемы.

Следующим проблемным моментом оценки этого многоаспектного явления является охват его каким-либо единичным индикатором. Теоретически требуется оценить комплексный конструкт, используя прозрачный и непротиворечивый индикатор. Как возможно объединить ряд индикаторов социальной эксклюзии в один комплексный непротиворечивый показатель, который к тому же еще и должен иметь смысл? Для этого требуется более глубокое понимание проявлений социальной эксклюзии в зрелом возрасте, оценка относительности, глубины и вклада разных маркеров в социальную эксклюзию, а также их взаимозависимости.

Между тем вполне возможно проводить анализ индивидуальных атрибутов социальной эксклюзии, их одновременное проявление, взаимовлияние или простые агрегации проявлений социальной эксклюзии. Пусть такой подход и не в полной мере отвечает нашим устремлениям, но он позволяет нам глубже понять эмпирическую природу изучаемого явления. Как отмечали Бурхардт, ЛеГранд и Пэйчод, «теория», не имеющая эмпирической интерпретации, не может быть подвергнута обоснованно строгой проверке (включая возможные альтернативы) и не заслуживает того, чтобы считаться теорией» (Burchardt et al., 2002).

В силу названных сложностей, а также в узкодисциплинарных целях большинство работ в рассматриваемой области опираются на оценку таких факторов, как уровень доходов, статус занятости (в экономических работах) или профессиональный статус, и стремятся к ограничению набора индикаторов эксклюзии (Adato, 2006; Gacitua-Mario & Woden, 2001; Stewart et al., 2005). Хотя такой подход к оценке и анализу социальной эксклюзии сам по себе сложен, очевидная взаимозависимость жизненных обстоятельств и эксклюзии зачастую игнорируется исследователями.

Чаще всего для описания социальной эксклюзии населения взрослого и зрелого возраста предлагается суммарный индикатор, некий «суммарный балл социальной эксклюзии зрелых», включающий раннее родительство, многодетность, множественных партнеров, бездомность, недуги, социальное жилье, непостоянный

доход, низкую квалификацию. Несмотря на то что такой суммарный индикатор тяжеловесен и некоторые компоненты, например множественные партнеры, могли бы быть удалены из него, он достаточно прост и иллюстрирует подход к оценке социальной эксклюзии. Во-первых, такой подход позволяет изучить связь положения взрослого человека с предпосылками эксклюзии, имеющими корни в его детстве, семье. Во-вторых, он представляет собой простой путь исследования взаимосвязи широкого спектра особенностей взрослого положения. Если мы будем иметь четкое представление о составляющих социальной эксклюзии и их комбинациях, возможным станет построение их иерархии, выделение причин и последствий социальной эксклюзии.

Например, в работе Хилс, ЛеГранд и Пэйчод «Понимая социальную эксклюзию» (Hills et al., 2002) в качестве компонентов социальной эксклюзии лиц в возрасте от 33 лет и старше использован следующий «набор» индикаторов, повышающих эксклюзию: получение пособий, социальных выплат; безработица или болезнь (существенно повышали эксклюзию мужчин); низкий уровень доходов; размер платы за занимаемое помещение или ипотечный долг; недоступность услуг связи (отсутствие домашнего/личного телефона) как индикатор одновременно бедности и социальной изоляции; одинокое родительство.

В ходе проведения Британского панельного исследования домохозяйств (2002) эти же авторы опирались на четыре взаимосвязанных набора индикаторов участия в «нормальной» жизнедеятельности общества: 1) потребление (менее чем половина среднего дохода домохозяйства) и накопления; 2) производство (те, кто экономически активен, и те, кто не вовлечен в социально одобряемую деятельность; 3) политическая включенность (те, кто не голосует или не принадлежит к политическим организациям); 4) социальные взаимодействия (недостаток социальной поддержки — «выслушать или помочь в трудной ситуации» — или наличие кого-то, с кем можно отдохнуть или кому ты действительно нравишься).

Таким образом, экономические индикаторы социальной эксклюзии, как уже ранее неоднократно отмечалось, являются определяющими в формировании социальной эксклюзии взрослого и зрелого населения, прежде всего — «эксклюзии» из социального участия. Так, Питер Таунсенд (1979) определял бедность как «относительную депривацию», относящуюся к ресурсам, которые «настолько значительно ниже тех, которыми распоряжается средний человек или семья, что они фактически исключены из обычных условий жизни, обычаев и деятельности» (Townsend, 1979). И бедность, и социальная эксклюзия рассматриваются как социальные проблемы, но их ориентиры существенно различаются: социальная эксклюзия — это оппозиция инклюзивному обществу, неповрежденным социальным связям и социальной безопасности, тогда как бедность обычно противопоставляется обществу «равных». Вместе с тем «бедность и социальная эксклюзия не могут быть преодолены в изоляции: ограниченные в средствах испытывают сложности в участии в делах общества в силу ограниченности ресурсов; а недостаток участия усугубляет бедность, как прямо (эксклюзия от оплачиваемой работы) так и косвенно (эксклюзия от социальных сетей не дает возможности людям улучшить свои жизни)» (Hirsch, 2006).

В социальных исследованиях, как правило, выбор индикаторов эксклюзии определяется доступными данными. В работе Барнеса (Barnes, 2005) использованы семь индикаторов социальной эксклюзии: финансовая ситуация, владение товарами длительного пользования, качество жилья, принятие соседями, личные социальные отношения (опреационализируемые как социальная поддержка), физическое здоровье и психологическое благополучие. В более ранних работах Барнес и соавторы (Barnes et al., 2002) проводили оценку социальной эксклюзии как многомерного неблагополучия в областях: проживание, здоровье, образование, социальные отношения и участие.

Целью нашей работы является попытка выяснить, насколько эксклюзия проявляется в повседневной жизни населения Алтайского края, имеет ли место самоисключение индивида, особенно из системы общественных связей, или «пространства социальных отношений», следуя идее Романова и Ярской-Смирновой (2006). При этом мы придерживаемся мнения о том, что безопасные общественные отношения операционализируются через инклюзию и социальную поддержку.

Методы

В исследовании особенностей социальной эксклюзии и безопасности в системе общественных отношений населения зрелого возраста (2019) приняли участие жители городов и сельских поселений Алтайского края в возрасте зрелости (женщины 40–54 года и мужчины 40–59 лет, $n = 318$), доля опрошенных женщин несколько превысила долю мужчин (51,3% и 48,7%).

Принципы планирования выборки исследования учитывали два аспекта: с одной стороны, репрезентативность для регионов в целом, а с другой — достаточно компактное размещение по территории. «С учетом этих обстоятельств использована схема районированной (стратифицированной) пропорциональной выборки в сочетании с серийным отбором (многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора). Поскольку такая выборка относится к „территориальным“, структура которых определяется в соответствии со структурой занятости, планирование выборки предусматривало отражение корреляции условий обитания с социальными характеристиками респондентов» (Максимова и др., 2017). Используемая выборка репрезентативна по параметрам пола, возраста и типу населенного пункта.

С точки зрения социально-экономического развития Алтайский край характеризуется рядом особенностей качества и уровня жизни. В крае присутствуют объективные условия для формирования социальной эксклюзии населения не только и даже не столько пожилой части населения, но ее трудоспособной части: высоки риски материальной депривации населения всех возрастных групп, что существенно ограничивает возможности удовлетворения потребностей и интересов проживающего населения. Регион не относится к числу регионов-лидеров, доноров как окружной, так и российской экономики; показатели, связанные с качеством жизни, имеют в большинстве случаев тенденцию к ухудшению. Вместе с тем такая ситуация не является уникальной, а отражает кризисные явления, свойственные экономике всей страны в целом.

Методы сбора информации — формализованное интервью по месту жительства населения. Количественные данные обработаны с использованием статистического пакета обработки данных SPSS 23.0. Для обоснования логики статистического вывода применены соответствующие природе данных (номинативной или количественной) и характеру распределений статистические методы (дисперсионный и факторный анализ, построение таблиц сопряженности с оценкой статистической значимости различий относительных показателей).

В рамках статьи использованы следующие показатели: самооценка степени активности, направления общественной активности, самоэкслюзия общественного участия, социально-политическая активность, вовлеченность в дела семьи и проблемы домохозяйства, включенность взрослого населения в социальные сети.

Результаты и обсуждение

Переживать социальную эксклюзию могут разные группы населения, в том числе независимо от возраста, а в силу социального, имущественного положения, правового статуса, гендера, этничности, цвета кожи и состояния здоровья, а также ряда других характеристик. Эксклюзия связана с несправедливым (или просто неодинаковым) распределением финансовых, культурных или иных ресурсов между отдельными людьми или их группами и соответственно фиксирует барьеры, препятствующие доступу к этим ресурсам (Антонова, 2013). Особое внимание процессу включенности/исключенности в/из пространства социальных отношений обусловлено самой природой социальной эксклюзии, которая происходит от концепции Эмиля Дюркгейма о солидарности и интеграции в социальное пространство (Veit-Wilson, 2002), где общество рассматривается в качестве иерархии статусов, соотносящихся между собой согласно набору взаимных прав и обязательств морального порядка. Социальная эксклюзия — это антитезис гражданства, процесс отчуждения меньшинства от гражданских прав «включенным» большинством (Lister, 1997) и сохранение меньшинства в состоянии отторжения от мейнстрима. По сути это конечный продукт провала институциональной системы, регулирующий интеграцию индивида в сообщество (Commins, 1993), которая призвана создавать механизмы (Walker, 2000) доступа к жизненным шансам, влияющим на возможность участия в делах общества (Patsios, 2000).

Итак, насколько активно проявляют себя в системе общественных отношений жители Алтайского края? Участников исследования просили оценить степень их собственной активности. В итоге респонденты довольно высоко оценивают собственную активность: более трети (35,2%) могут назвать себя активными людьми, большинство же считают, что их активность имеет спады и подъемы (52,2%), 11,9% уверены в том, что они совершенно не активные люди.

Проявления активности в целом оказались достоверно зависимыми от целого ряда характеристик опрошенных (рисунок 1). Рассмотрим максимальные проявления социальной активности, а также их минимальные значения в разных группах. Так, горожане считают себя активными людьми чаще, чем сельчане (38,2% и 30,9% соответственно), а сельчане к тому же в два раза чаще городских жителей полагают

себя неактивными людьми (16,6% сельчан и 8,6% горожан). Возможно, что горожане ощущают себя более активными в силу особенности городской жизни и городской инфраструктуры как таковой. Городская среда предоставляет гораздо больше возможностей досуговой, рекреационной и иной связанной с проведением свободного времени деятельности. С учетом происходящей в течение последних лет оптимизации структур институтов, оказывающих услуги социально-сервисного, финансового характера, управляющих центров государственных учреждений социальной, жилищно-коммунальной сферы, подведомственных федеральным и региональным органам власти, при которой «головные» офисы и управляющие организации переместились в сторону средних и крупных городов и даже соседних, более крупных субъектов Федерации, их доступность существенно сократилась для жителей сельских территорий. В сельских территориях на сегодняшний день большинство поселений не готовы предоставлять возможности, необходимые для реализации интересов, потребностей и даже прав и получения необходимых услуг в режиме шаговой доступности.

Следующей закономерностью является зависимость активности населения от уровня имеющегося образования: чем выше образование опрошенного, тем более активным он себя ощущает: активными себя считают 44,4% имеющих высший уровень образования, 29,4% — с неполным высшим образованием, 34,8% — со средним специальным образованием, 23,2% — с начальным профессиональным и 25,9% — со средним общим образованием. Доли «пассивных» опрошенных в группах с образованием ниже неоконченного высшего в два раза больше.

Чем богаче опрошенный, тем более он активен: 40% активных среди богатых, 47,7% — обеспеченных, 33,9% — среди среднеобеспеченных, 17,8% — среди ощущающих себя бедными и 20% среди очень бедных. Отметим, что среди считающих себя бедными больше всего пассивных респондентов — 23,3%. Возможно, что такая пониженная активность обусловлена именно экономическими факторами, поскольку активный досуг, к примеру, требует финансовых средств, от объема затрат зачастую зависит качество и формат отдыха и многие другие виды активности.

Объяснимы и различия в проявлении активности в группах, дифференцированных по статусу занятости. Руководящие работники оказались существенно активнее всех других категорий опрошенных (каждый второй считает себя активным человеком), среди наемных работников 35,5% считающих себя активными, неработающих пенсионеров и незанятых — около 24% в каждой группе. Именно последние две категории граждан продемонстрировали максимальную пассивность: четверть пенсионеров и треть незанятых считают себя совершенно неактивными людьми.

Таким образом, пассивность чаще свойственна опрошенным с низким социально-экономическим статусом: незанятым и пенсионерам, с низким уровнем образования и материального обеспечения, а также жителям сел. В данном случае сложно сказать, что первично: материальная или ресурсная (в плане образовательных, инфраструктурных ресурсов) депривация возможностей опрошенных, которая приводит к пассивному отношению к жизни и поведению, или, наоборот, личная пассивность порождает социальную эксклюзию через сокращение социальных связей, активности.

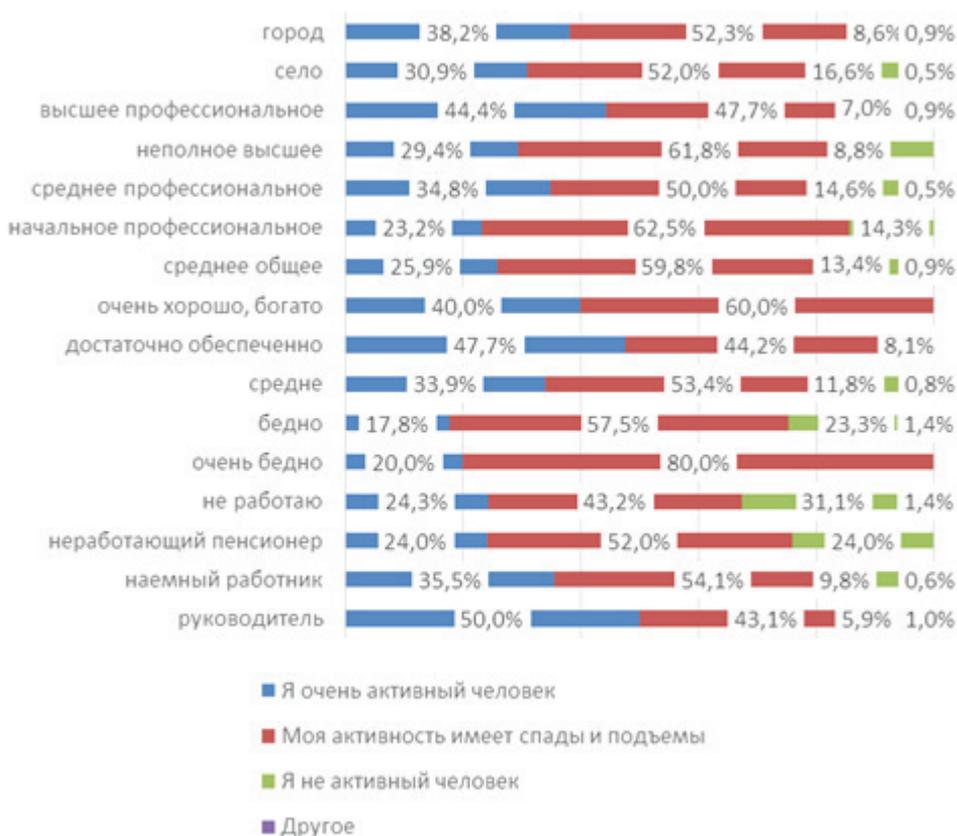

Рисунок 1 — Оценки степени собственной активности разными группами опрошенных, %.

Итак, в чем же, в каких сферах проявляется активность жителей края? Основная сфера применения личной активности взрослого населения — это работа (81%), на втором месте опрошенными определена забота о здоровье (33,8%), треть выборки (31,3%) занята обучением и воспитанием нового поколения, хобби занимают только 17,2% респондентов, а в общественной жизни участвуют только 13,3% участников исследования.

Выборы некоторых альтернатив оказались достоверно зависимыми от принадлежности респондента к социально-демографической группе. Так, женщины немногим активнее проявляют себя в сфере заботы о здоровье (33,1% женщин выбрали эту альтернативу и только 22,9% мужчин), обучения и воспитания нового поколения (38,9% выборов женщин и 25% — мужчин).

Естественно, достоверное различие выявлено в группах с разным статусом занятости в отношении работы как основного вида активности, который выбрали работающие: руководители (89,2%) и наемные работники (87,2%). Однако при

этом руководители оказались самыми активными участниками общественной жизни (34,3%), существенно меньшее внимание этой сфере уделяют наемные работники (только 11%), неработающие пенсионеры (9,6%) и незанятые (7,1%). Активная производственная и общественная жизнь не препятствуют занятию руководителей с собственными детьми и внуками, и они успевают еще и включиться в процесс воспитания и обучения (47,1% выборов руководителей), существенная доля незанятых также занимается воспитанием детей (38,6%), что существенно реже делают наемные работники (29,8%) и, как ни странно, неработающие пенсионеры — менее трети (27,5%).

Следующим фактором, определяющим направления активности опрошенных, оказалась самооценка материального положения. Так, считающие себя бедными (62,2%) направляют собственную активность на работу реже, чем все остальные группы опрошенных, которые достаточно много уделяют внимания именно этому виду активности (82,3% выборов среднеобеспеченных, 88,4% — богатых и 80% — очень богатых). Однако возможно, что ощущение бедности обусловлено незанятостью опрошенного, и вследствие этого работа не входит в число приоритетов активности этой группы населения.

Отметим еще одну закономерность: чем выше уровень образования опрошенного, тем больше места в его жизни занимает работа: 88,5% выборов опрошенных с высшим образовательным уровнем, 69,3% — с начальным профессиональным, 77,5% — средним общим, 81,3% — средним специальным. Вероятно, опрошенные с высшим уровнем образования пересекаются с группой руководителей, участвовавших в исследовании. Этот вывод косвенно подтверждается еще и тем, что опрошенные с высшим образованием активно участвуют и в общественной жизни (почти пятая часть — 19,6%), общественную активность проявляют 14,3% респондентов с неоконченным высшим образованием, 12,3% — со средним специальным, 7% — начальным профессиональным и только 6,3% — средним общим.

Проявление активности в работе оказалось достоверно зависимым от религиозности опрошенного. Так, работу в качестве направления приложения активности чаще рассматривают имеющие оформленные религиозные воззрения опрошенные (86%) и верующие в бога по-своему (83,6%), тогда как такие оценки наблюдались в мнениях 76,3% неверующих и 68,3% атеистов. Также заметим, что чем моложе опрошенный, тем чаще он указывает работу в качестве основной активности: 84% опрошенных возрастной группы от 40 до 44 лет, 85,7% — от 45 до 49 лет, 80,5% — от 50 до 54 лет, 70,6% — 55–59 лет (отметим, что в последнюю группу включены только мужчины; см. социально-демографические характеристики опрошенных).

Сделаем общий вывод о более разнонаправленной жизненной активности опрошенных с более высоким социальным статусом, который позволяет им не только расширять возможности досуга и отдыха, дает более широкий доступ к инфраструктурным возможностям и услугам, как мы ранее отмечали, но формирует интерес к разнонаправленной деятельности, включению в социальную сферу, повышая социальную и гражданскую активность. Низкие статусные возможности снижают

потенциал активности и чаще направляют активность опрошенного в какое-то одно русло — будь то работа (при наличии), уход за детьми, самообслуживание, исключая низкостатусных индивидов из процессов, происходящих в обществе.

Большинству опрошенных пребывание в пространстве публичных социальных отношений не доставляет никаких неудобств, а скорее имеет позитивное эмоциональное сопровождение: 78% опрошенных жителей сказали, что им приятно быть на людях. Вместе с тем, 22%(!) в совокупности испытывают дискомфорт, вступая в социальные коммуникации: 14,6% заставляют себя общаться с людьми, 5,1% — не имеют никакого желания встречаться с окружающими, а 2,3% вообще исключили себя из пространства коммуникаций и нигде не бывают. Таким образом, почти четверть опрошенных, не желая по каким-либо причинам вступать в общение с окружающими, самостоятельно исключают себя, отторгают от процесса социального участия.

Дальнейший анализ показал, что не только факт самоэкслюзии от социального участия, но и его взаимосвязь с разными социально-демографическими характеристиками опрошенных порождали значительные вариации оценок. Для иллюстрации данного положения мы применили метод разработки дерева решений для сегментирования респондентов по выраженности оценок социальной исключенности (исключенности социального участия) в зависимости от принадлежности опрошенных к разным социально-демографическим группам. Для удобства восприятия мы разбили опрошенных на три группы в зависимости от отношения к общению с окружающими людьми: на позитивную включенность, негативную включенность и исключенность, т.е. тех, для кого социальное участие приносит позитив, тех, кто испытывает негативные чувства от необходимости социальных коммуникаций, и тех, кто открывается от общения с окружающими.

Для построения дерева решения использовался метод CRT (Classification and Regression Trees)¹. Результаты классификации представлены на рисунке 2. На первом шаге классификации были созданы два сегмента, разделяющие респондентов с разной гендерной идентичностью. Так, принадлежность к группе опрошенных мужского пола усиливает негативное восприятие социального участия (18,1% опрошенных вынуждены делать над собой усилия при общении с окружающими) и приводит к отказу от него вообще (7,7%). Женщины же более социальные, и практически в абсолютном большинстве случаев принадлежность к женской гендерной группе будет усиливать позитивное восприятие социального участия (86,2%, негативная исключенность — 11,5%, исключенность — 2,3%). Дальнейшие шаги классификации показали характер взаимосвязи между оценкой социального участия мужчин и статусом занятости. В данном случае занятость как таковая будет значительно усиливать позитивную включенность (77,2%) и снижать — негативную (17,0%) и полную исключенность (5,8%), а отсутствие занятости по причины безработицы, до-

¹ Преимуществом метода является то, что он расщепляет данные на сегменты, которые однородны относительно зависимой переменной настолько, насколько это возможно. Терминальный узел, в котором все наблюдения имеют одинаковое значение зависимой переменной, является однородным «чистым» узлом.

машнего труда или пенсии — усилить негативную включенность (23,7% — почти пятая часть опрошенных) и исключенность из сферы социального участия (18,4% незанятых опрошенных мужчин).

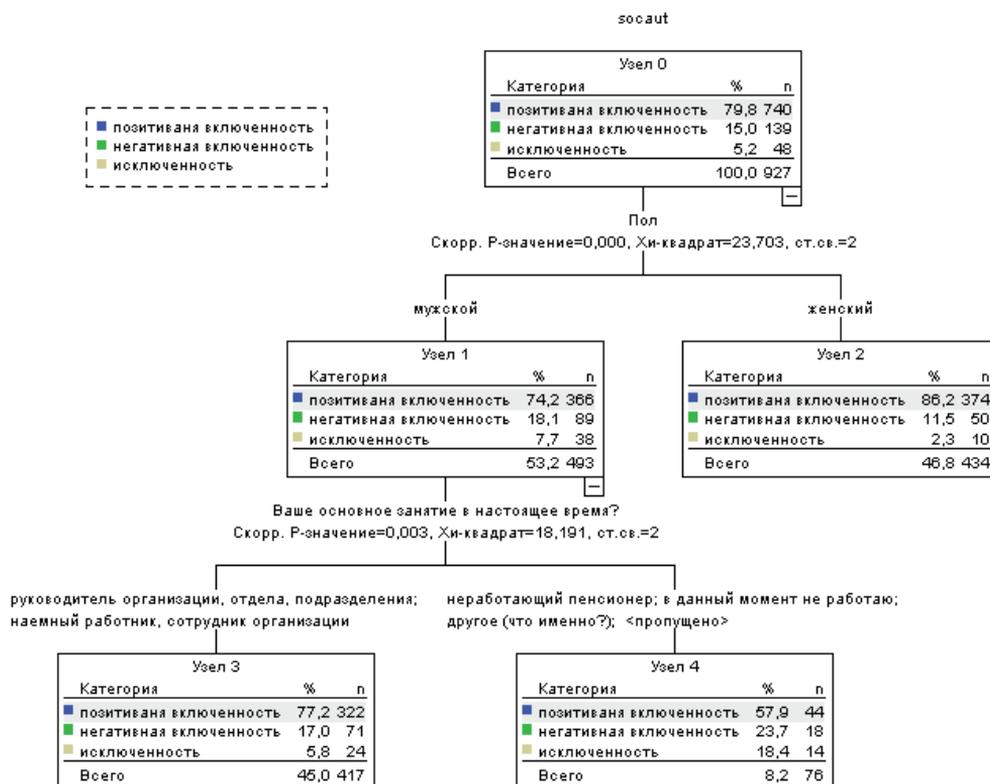

Рисунок 2 — Дерево решений для предсказания исключенности из социального участия, %.

Далее рассмотрено отношение опрошенных к инструментам российской демократии, а с другой стороны — выраженность практик общественно-политического и гражданского участия населения Алтайского края. Например, практически половина опрошенных убеждены, что в России не существует эффективных способов отстаивания своих интересов в общении с властью. Т.е. 53% опрошенных не видят смысла в членстве в политической партии и общественной организации, 41,7% — не видят смысла в участии в органах самоуправления (ТОС, ТСЖ и иных собраний жителей), 52,9% — не видят смысла участия в выборах в качестве кандидата, 47,5% — не видят смысла в общении с властью как таковой при использовании института обращений граждан, а 51,8% также не имеют представлений о целесообразности обращения в СМИ для решения своих проблем. Отметим, что больше

трети опрошенных (38,7%) не видят смысла в участии в дебатах, митингах или иных публичных акциях, а 11,3% — в участии выборах. Среди самых часто используемых инструментов общественно-политического участия опрошенными отмечены: отслеживание политических событий, что делают более половины участников исследования (54,2%), а также участие в выборах — этот инструмент прямой демократии видят для себя необходимым и часто используют 54% опрошенных граждан.

Отметим, что 42,9% опрошенных никогда не писали в СМИ, 41,2% — никогда не обращались к руководству ни в письменном виде, ни лично, 42,1% — не выдвигались на выборах любого уровня, 33,6% — не участвовали ни в каких собраниях жителей, 38,9% — не вступали в политические партии, не взаимодействовали с общественными организациями, 8,8% — не ходили на выборы, а 4,2% — никогда не интересовались политическими событиями.

Таким образом, можно говорить о том, что почти половина опрошенных исключены из общественно-политической жизни общества, преимущественно в силу отсутствия доверия к существующим демократическим механизмам и инструментам общественно-политического участия.

Дополнительно заметим, что женщины реже следят за политическими событиями, не видят в этом смысла (8,6% и 5,1% — выборов мужчин) и просто не делают этого никогда (5,3%, 3,2% мужчин), также не интересуются политикой незанятые опрошенные (суммарно 19,3% неработающих пенсионеров, 23% неработающих, 9% наемных работников и 9,9% — руководителей). Однако при этом незанятые респонденты незначительно чаще участвуют в политических дебатах, посещают встречи с политическими деятелями, участвуют в митингах, демонстрациях и прочих публичных акциях: никогда и не видят смысла суммарно 77% неработающих, 76,5% неработающих пенсионеров, 81,3% наемных работников и 70,6% руководителей.

Абсентеизм в большей мере свойственен неработающей части населения (почти половина из них — 41,7% никогда не ходят на выборы и не видят смысла в своем участии), пенсионерам — суммарно 18,9%, нежели работающим (18%) и руководителям (только 14% отказываются от участия выборах). Статус занятости достоверно предсказывает членство в политической партии или ином общественном объединении: так, 79,2% никогда не вступали в ряды таких организаций или не видят в этом смысла, 93,9% наемных работников, 94% неработающих пенсионеров и 84,4% — незанятых; а также использование института обращений граждан: 82% руководителей не видят смысла и никогда не используют этот ресурс, 90,3% наемных работников, 94,1% неработающих пенсионеров и 82,4% — незанятых.

Также выявлено, что материальный достаток будет определять электоральное поведение опрошенного и интерес к политическим событиям: никогда не следили за политикой или не видят в этом смысла 33,3% очень бедных респондентов, 27,4% бедных, 9,4% среднеобеспеченных, 8,7% богатых и 20,0% очень богатых; никогда не ходили на выборы или не видят в этом смысла 50% очень бедных респондентов, 27,9% бедных, 19,9% среднеобеспеченных, 12,2% богатых и 40% очень богатых.

Уровень образования также во многом определяет политическое участие опрошенных — чем выше уровень образования, тем:

- выше интерес к политике (не видят смысла и никогда не получали информацию о политических событиях 7,3% респондентов с высшим образованием, 14,3% — с неоконченным высшим, 10,7% — со средним специальным, 14% — с начальным профессиональным и 18% — со средним общим уровнем образования);
- выше уровень участия политике через дебаты, дискуссии, митинги и тому подобное (не видят смысла и никогда не участвовали 73,2% респондентов с высшим образованием, 77,2% — с неоконченным высшим, 80,1% — со средним специальным, 87,5% — с начальным профессиональным и 90% — со средним общим уровнем образования);
- выше электоральная активность (не видят смысла и никогда не ходили на выборы 12,5% респондентов с высшим образованием, 17,2% — с неоконченным высшим, 22,3% — со средним специальным, 20,4% — с начальным профессиональным и 16,1% — со средним общим уровнем образования);
- чаще вероятно членство в политическом или ином общественном объединении (не видят смысла и никогда не вступали в ряды таких организаций 88,4% респондентов с высшим образованием, 85,7% — с неоконченным высшим, 81,4% — со средним специальным, 92,9% — с начальным профессиональным и 97,2 — со средним общим уровнем образования);
- выше уровень участия в территориальных органах самоуправления (не видят смысла и никогда не участвовали 69,6% респондентов с высшим образованием, 68,5% — с неоконченным высшим, 75,1% — со средним специальным, 87,5% — с начальным профессиональным и 83,3% — со средним общим уровнем образования);
- вероятнее опыт использования института обращения граждан в органы власти (не видят смысла, никогда не писали писем и не приходили на прием 89,9% респондентов с высшим образованием, 98,2% — с неоконченным высшим, 82,8% — со средним специальным, 98,2% — с начальным профессиональным и 96,1% — со средним общим уровнем образования).

Также незначительно выше интерес к политическим событиям у одиноких и не имеющих детей опрошенных, они же чаще ходят на выборы.

Таким образом, включенность опрошенных, проживающих в регионе, в общественно-политическую активность невысока, вероятнее всего — вследствие низкого уровня доверия демократическим институтам. Созданные в правовом поле инструменты демократического участия граждан в управлении делами государства еще не обрели должного доверия и позитивной практики использования населением. В качестве общей тенденции можно отметить большую общественно-политическую активность мужчин и высокообразованной части респондентов

Далее рассмотрим включенность опрошенных в процессы внутри домохозяйства и вовлеченность в дела семьи в целом. Судя по полученным данным, большинство опрошенных играют в семье многоплановую роль, соответствующую классическому пониманию важнейших функций института семьи в обществе: несмотря на то что на первом месте по числу выборов роль «добытчика», зарабатывание средств (86,7%), на второй позиции по числу выборов — моральная поддержка де-

тей (80,9%), далее при практически равных долях выборов отмечены: моральная поддержка супругов (72,7%), воспитание детей (71,4% выборов), материальная поддержка детей (70,5%), моральная поддержка родителей (67,1%), материальная помощь супругу/супруге (64,8%). Существенно меньше распространена материальная помощь родителям (37,2%), что объяснимо с учетом зрелого возраста самих опрошенных, воспитание «внуков» (34,6%) что также объясняется занятостью вследствие трудоспособного возраста, и получение материальной помощи от родителей (21,2%).

Таким образом, абсолютное большинство опрошенных в полной мере включены в процессы функционирования семьи, включены в межпоколенческие, супружеские, детско-родительские отношения, что скорее должно придавать им ощущение нужности, полезности и значимости своей роли в семье, в том числе и плане эмоциональной поддержки.

Рассмотрим некоторые значимые вариации, касающиеся проявлений исключенности из сферы семейных взаимодействий. Основная функция по материальной поддержке семьи ложится на мужчин: 9,2% из них никогда не выступали в роли «добытчика» и 10,8% — только в крайнем случае (21,9% и 22,1% женщин соответственно), и, что любопытно, моральной — также на мужчин (9% женщин не делали этого никогда и 8,6% — только будучи вынужденными; 18% и 8,3% соответственно — мужчин). Логична и достоверна зависимость дифференциации выполнения роли материального источника семьи в зависимости от статуса занятости: так, никогда не зарабатывали средства на существование семьи только 2% руководителей, 1,7% наемных работников, 15,4% неработающих пенсионеров и 8,3% — неработающих.

Работающие опрошенные находят время и для воспитания детей: только 6% руководителей никогда не участвовали в воспитании детей, а 9% — только под давлением обстоятельств; 8,8% и 15,7% соответственно — наемных работников. В отличие от них 17,3% неработающих пенсионеров никогда не воспитывали детей и 25% — участвовали в этом процессе только в случае необходимости; не делали этого и 18,6% и 27,1% неработающих соответственно. Отметим, что работающие реже исключены из материальной поддержки супругов (суммарно 23,2% руководителей, 27,1% — наемных работников), нежели незанятые (суммарно 53,1% неработающих пенсионеров и 58,2% — незанятых). Схожая картина наблюдается и в отношении материальной и моральной поддержки детей, родителей и супругов/супруг.

Поскольку вопросы финансовой поддержки семьи связаны с реальными заработками, то они, естественно, зависят и от самооценок материального благополучия опрошенными. Никогда не зарабатывали средства для жизни семьи 20% очень бедных, 8,1% бедных, 2,5% среднеобеспеченных, 2,9% богатых и ни один из тех, кто считает себя очень богатым. Любопытным представляется отметить, что неучастие в воспитании детей чаще свойственно очень бедным (25% никогда не воспитывали детей) и очень богатым (20%), такая же ситуация и с оказанием моральной поддержки детям: никогда этого не делали 18,3% очень бедных и 20% очень богатых (для сравнения 6,2% среднеобеспеченных и 3,7% — считающих себя богатыми). Схожим образом и оценивается моральная поддержка родителей и супруг/супругов.

Уровень образования опрошенного достоверно будет определять его роль в семье. Например, чем выше уровень образования, тем выше уровень участия в воспитании детей: никогда не воспитывали детей 15,9% респондентов со средним образованием, 12% — с начальным профессиональным, 9,5% — со средним специальным, 11,8% — с неоконченным высшим и только 7,2% — с высшим уровнем образования.

Выявлены также вполне понятные зависимости роли в семье от брачного статуса и наличия детей, однако они вполне тривиальны и предсказуемы. Интерес же представляют зависимости от уровня религиозности жителей сибирских регионов: верующая часть участников исследования чаще участвует в оказании материальной помощи своим детям: никогда не помогают детям финансово 7,2% имеющих оформленные конфессиональные убеждения, 4,1% верующих в Бога по-своему, 8,5% неверующих и 19,3% атеистов; никогда не поддерживают своих детей морально 6% верующих, 3,8% верующих по-своему, 9,3% — неверующих и 19,3% — атеистов.

Один из показателей эксклюзии, касающийся оценки включенности взрослого населения в социальные сети, диагностировался на основе ответов опрошенных на вопрос: «Как часто Вы общаетесь со следующими людьми ...?». Отметим, что полученные на рисунке 3 распределения подтверждают ранее сформулированные выводы в отношении депривации социального участия опрошенных, которая довольно существенно выражена для населения регионов, охваченных исследованием.

Так, 1% опрошенных отметили, что они постоянно одни («рядом со мной нет никого»), 2% бывают одиноки примерно раз в неделю, 7,9% — несколько раз в месяц.

7,4% взрослого населения трех регионов каждый день бывают только с незнакомыми людьми, 9,1% окружают чужие люди примерно раз в неделю.

Социальный работник или врач каждый день находится с 1,4% опрошенных, 2% посещают социальные работники или врачи не реже одного раза в неделю.

4,4% никогда не окружают коллеги по работе, 4,9% видятся с коллегами реже одного раза в месяц, а 7,6% — несколько раз в неделю.

3,9% никогда не видели своих соседей, 15% видятся с соседями реже одного раза в месяц.

0,9% никогда не видятся со своими друзьями, 13,1% видят друзей реже раза в месяц, 37,6% — только несколько раз в месяц.

1,2% никогда не видятся с близкими родственниками, 14,8% — реже раза в месяц.

2,9% — не видятся с детьми вообще, 3,5% — видят своих детей реже раза в месяц, 9,4% — только несколько раз в течение месяца.

Наиболее часто опрошенных окружают те, кто с ними проживает (дети, супруги) и работает (коллеги по работе), общение же с другими близкими людьми (друзьями, партнерами по хобби, родственниками) в лучшем случае купируется до общения несколько раз в неделю для примерно трети опрошенных или реже. Несмотря на довольно интенсивные контакты с окружающими людьми, отмеченные выше факты депривации общения, когда некоторые индивиды бывают в окружении

исключительно незнакомцев, одиноки, прекращают или просто не ведут общение с собственными соседями, друзьями и родственниками, все же имеют распространение и могут в некотором смысле пересекаться с депривацией социального участия, включенности в структуру сетей ближнего круга общения. Классическая теория общения утверждает особую значимость контактов именно в рамках ближнего круга общения: он простирается в пределах группы из 5–7 близких людей и 1–3 ближайших партнеров, общение с которыми способствует прежде всего получению морально-психологической, эмоциональной поддержки.

Женщины достоверно чаще видятся со своими детьми (67,9% видят их каждый день, 55,2% — мужчин) и реже мужчин теряют контакты с детьми: 2,7% не видятся с детьми (3,1% мужчин), 3,1% видятся реже одного раза в месяц (3,9% мужчин). Руководители и работающие также чаще видят собственных детей: 3% руководителей, 2,4% наемных работников, 5,8% неработающих пенсионеров и 5,5% — незанятых не видятся с детьми (2%, 3,1%, 7,7%, 8,2% соответственно видят собственных детей реже одного раза в месяц).

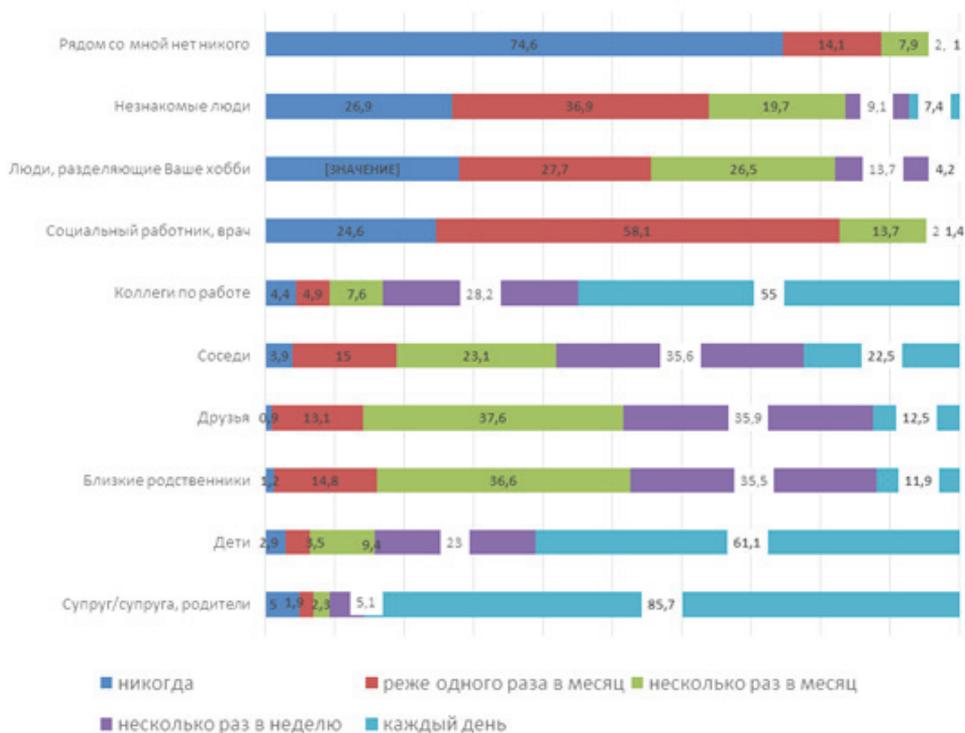

Рисунок 3 — Депривация включенности в социальные сети, %

Отказ (вынужденный или нет) от дружеского общения свойствен в большей мере незанятому населению: 2% руководителей, 0,6% наемных работников, 2% не-

работающих пенсионеров и 2,9% незанятых не видятся с друзьями, а 9,8% руководителей, 12,7% наемных работников, 29,4% неработающих пенсионеров и 11,4% незанятых видятся с друзьями реже одного раза в месяц. Объяснимы редкие встречи незанятых опрошенных с коллегами.

Материальное положение респондентов и его самооценка достоверно предсказывают более редкие контакты с близкими родственниками и друзьями. Никогда не видятся с родственниками 16,7% очень бедных, 1,4% бедных, 1,3% среднеобеспеченных, 0,6% богатых и ни один из считающих себя очень богатыми.

Отметим также, что чем выше образовательный уровень респондента, тем более вероятно он будет отказываться от общения с соседями: 3,6% опрошенных со средним образованием никогда и 11,7% — реже раза в месяц общаются с соседями; 1,8% и 8,1% соответственно из имеющих начальное профессиональное образование, 4,8% и 12% соответственно — среднее специальное образование; 2,9% и 25,7% — неполное высшее и 4% и 20,4% соответственно — высшее образование.

С детьми реже видятся также атеисты (12,3% — никогда, 5,3% — реже раза в месяц), чем неверующие (3% и 5,2% соответственно), верующие по-своему (1,8% и 2,5%) и верующие определенной религии (2,8% и 3,6%). Верующие с оформленными конфессиональными убеждениями чаще видятся с близкими и родственниками, социальными работниками и врачами и реже прочих бывают одиноки.

Выводы

Обобщим полученные выводы в отношении исключенности опрошенных из пространства современных социальных отношений. Полученные данные подтвердили изначально сделанное предположение о том, что в той или иной мере переживать социальную эксклюзию могут разные группы населения, и не только пожилого и старческого возраста.

Жители Алтайского края по-разному оценивают и проявляют социальную активность, и в целом только немногим более трети считают себя активными людьми, а 11,9% уверены в том, что они совершенно не активные люди. Проявления активности в целом оказались достоверно зависимыми от целого ряда характеристик опрошенных. Горожане ощущают себя более активными в силу особенности городской жизни и городской инфраструктуры как таковой. Городская среда предоставляет гораздо больше возможностей досуговой, рекреационной и иной связанной с проведением свободного времени деятельности. С учетом происходящей в течение последних лет оптимизации структур институтов, оказывающих услуги социально-сервисного, финансового характера, управляющих центров государственных учреждений социальной, жилищно-коммунальной сферы, подведомственных федеральным и региональным органам власти, при которой «головные» офисы и управляющие организации переместились в сторону средних и крупных городов и даже соседних более крупных субъектов Федерации, их доступность существенно сократилась для жителей сельских территорий. В сельских территориях на сегодняшний день большинство поселений не готовы предоставлять возможности, необходимые

для реализации интересов, потребностей и даже прав и получения необходимых услуг в режиме шаговой доступности.

Гораздо более активными себя ощущают опрошенные с высоким образовательным статусом, занятые и ощущающие себя в достаточной мере обеспеченными. Более того, мы предположили, что пониженная активность обусловлена именно экономическими факторами, поскольку активный досуг, к примеру, требует финансовых средств, от объема затрат зачастую зависит качество и формат отдыха и многие другие виды активности.

Объяснимы и различия в проявлении активности в группах, дифференцированных по статусу занятости. Руководящие работники оказались существенно активнее всех других категорий опрошенных (каждый второй считает себя активным человеком), среди наемных работников 35,5% считающих себя активными, неработающих пенсионеров и незанятых — около 24% в каждой группе. Именно последние две категории граждан продемонстрировали максимальную пассивность — четверть пенсионеров и треть незанятых считают себя совершенно неактивными людьми.

Пассивность чаще свойственна опрошенным с низким социально-экономическим статусом: незанятым и пенсионерам, с низким уровнем образования и материального обеспечения, а также жителям сел. В данном случае сложно сказать, что первично — материальная или ресурсная (в плане образовательных, инфраструктурных ресурсов) депривация возможностей опрошенных, которая приводит к пассивному отношению к жизни и поведению, или, наоборот, личная пассивность порождает социальную эксклюзию через сокращение социальных связей, активности.

Сделан общий вывод о более разнонаправленной жизненной активности опрошенных с более высоким социальным статусом, который позволяет им не только расширять возможности досуга и отдыха, дает более широкий доступ к инфраструктурным возможностям и услугам, как мы ранее отмечали, но и формирует интерес к разнонаправленной деятельности, включению в социальную сферу, повышая социальную и гражданскую активность. Низкие статусные возможности снижают потенциал активности и чаще направляют активность опрошенного в какое-то одно русло — будь то работа (при наличии), уход за детьми, самообслуживание, исключая низкостатусных индивидов из процессов, происходящих в обществе.

Большинству опрошенных пребывание в пространстве публичных социальных отношений не доставляет никаких неудобств, а скорее имеет позитивное эмоциональное сопровождение. Вместе с тем 22% в совокупности испытывают дискомфорт, вступая в социальные коммуникации, самостоятельно исключая себя, отторгая от процесса социального участия. Принадлежность к группе опрошенных мужского пола усиливает негативное восприятие социального участия и приводит к отказу от него вообще, дальнейшие шаги классификации показали характер взаимосвязи между оценкой социального участия мужчин и статусом занятости.

Включенность опрошенных в общественно-политическую активность невысока, вероятнее всего — вследствие низкого уровня доверия демократическим институтам. Созданные в правовом поле инструменты демократического участия

граждан в управлении делами государства еще не обрели должного доверия и позитивной практики использования населением. В качестве общей тенденции можно отметить большую общественно-политическую активность мужчин и высокообразованной части респондентов.

Что касается включенности в семейные отношения, то большинство опрошенных играют в семье многоплановую роль, соответствующую классическому пониманию важнейших функций института семьи в обществе, абсолютное большинство опрошенных в полной мере включены в процессы функционирования семьи, включены в межпоколенческие, супружеские, детско-родительские отношения, что скорее должно придавать им ощущение нужности, полезности и значения своей роли в семье, в том числе в плане эмоциональной поддержки.

В кругу ближнего общения опрошенных наиболее часто окружают те, кто с ними проживает (дети, супруги) и работает (коллеги по работе), общение же с другими близкими людьми (друзьями, партнерами по хобби, родственниками) в лучшем случае купируется до общения несколько раз в неделю для примерно трети опрошенных или реже. Несмотря на довольно интенсивные контакты с окружающими людьми, отмеченные выше факты депривации общения, когда некоторые индивиды бывают в окружении исключительно незнакомцев, одиноки, прекращают или просто не ведут общение с собственными соседями, друзьями и родственниками, все же имеют распространение и могут в некотором смысле пересекаться с депривацией социального участия, включенности в структуру сетей ближнего круга общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонова В.К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам. Журнал исследований социальной политики, 2013, 11(2), 151–170.

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Модель социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп регионов Сибири. Успехи геронтологии, 2017, 30(4), 579–586.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Пространство социальной политики. Журнал исследований социальной политики, 2012, 10 (1), 5–6.

Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // Социологические исследования, 2006, (7), 34–42.

Adato M., Carter M.R., May J. Exploring Poverty Traps and Social Exclusion Using Qualitative and Quantitative Data. Journal of Development Studies, 2006, 42(2), 226–247. URL: <http://doi.org/10.1080/00220380500405345> (дата обращения: 10.06.2019).

Barnes M. Social Exclusion in Great Britain An Empirical Investigation and Comparison with the EU. Aldershot: Avebury, 2005.

Barnes M., Heady C., Middleton S., Millar J., Papadopoulos F., Room G., Tsakoglou P. Poverty and Social Exclusion in Europe. Cheltenham: Edward Elgar, 2002.

Burchardt T., Le Grand J., Piachaud D. Degrees of Exclusion: Developing a Dynamic, Multidimensional Measure. In: Hills J., Le Grand J. and Piachaud D. Understanding Social Exclusion. Oxford University Press, 2002.

Commins P. Combating exclusion in Ireland 1990–1994, a Midway Report. Brussels: European Commission, 1993.

Gacitua-Mario E., Woden Q. Measurement and Meaning: Combining Quantitative and Qualitative Methods for the Analysis of Poverty and Social Exclusion in Latin America (Technical Paper No. 518). Washington, DC: World Bank, 2001.

Hills J., Le Grand J., Piachaud D. Understanding Social Exclusion. Oxford University Press, 2002.

Hirsch D. Where Poverty Intersects with Social Exclusion: Evidence and Features of Solutions. New York: Joseph Rowntree Foundation, 2006.

Lister R. Citizenship: Feminist Perspectives. Basingstoke: Macmillan, 1997.

Noyanzina O.E., Maximova S.G., Omelchenko D.A. A Model of Social Exclusion of Elderly People in Siberian Regions. *Advances in Gerontology*, 2018, 8(1), 58–63.

Patsios D. Poverty and Social Exclusion Amongst the Elderly, Bristol: Townsend Centre for International Poverty Research, Working Paper number 20, 2000.

Stewart F., Brown G., Mancini L. Why Horizontal Inequalities Matter: Some Implications for Measurement (Working Paper No. 19). Oxford: Centre of Research on Inequality, Human Security, and Ethnicity, 2005.

Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979.

Veit-Wilson J. Researching Poverty and the Poor., *Journal of Social Policy*, 2002, 31(3), 537–544.

Walker A. Poverty and inequality in old age. In: Bond J., Coleman P. and Peace S. (eds.) *Ageing in society: An introduction to social gerontology* (2nd edition). London: Sage, 2000.

REFERENCES

Antonova, V.K. (2013). *Koncepty social'noj inklyuzii i eksklyuzii v global'nom obshchestve: drejf po social'nym institutam, aktoram i praktikam* [Concepts of social inclusion and exclusion in global society: a drift on social institutes, actors and practices]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 11 (2), 151–170.

Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E., & Omel'chenko, D.A. (2017). *Model' social'noj eksklyuzii lic starshih vozrastnykh grupp regionov Sibiri* [Model of social exclusion of persons of elderly age in Siberian regions]. *Uspekhi gerontologii* [Advances in gerontology], 30(4), 579–586.

Romanov, P.V., & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2012). *Prostranstvo social'noj politiki* [A space of social policy]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 10 (1), 5–6.

Yaroshenko, S.S. (2006). *Chetyre sociologicheskikh ob'yasneniya bednosti (opyt analiza*

- zarubezhnoj literary) [Four sociological explanations about poverty (experience of analysis of foreign literature)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (7), 34–42.
- Adato, M., Carter, M.R., & May, J. (2006). Exploring Poverty Traps and Social Exclusion Using Qualitative and Quantitative Data. *Journal of Development Studies*, 42(2), 226–247. Available at: <http://doi.org/10.1080/00220380500405345> (accessed 10 June 2019).
- Barnes, M. (2005). *Social Exclusion in Great Britain An Empirical Investigation and Comparison with the EU*. Aldershot: Avebury.
- Barnes, M., Heady, C., Middleton, S., Millar, J., Papadopoulos, F., Room, G., & Tsakloglou, P. (2002). *Poverty and Social Exclusion in Europe*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Burchardt, T., Le Grand, J., & Piachaud, D. (2002). Degrees of Exclusion: Developing a Dynamic, Multidimensional Measure. In Hills J., Le Grand J. & Piachaud D. (Eds.). *Understanding Social Exclusion*. Oxford University Press.
- Commins, P. (1993). *Combating exclusion in Ireland 1990–1994, a Midway Report*. Brussels: European Commission.
- Gacitua-Mario, E., & Woden, Q. (2001). *Measurement and Meaning: Combining Quantitative and Qualitative Methods for the Analysis of Poverty and Social Exclusion in Latin America* (Technical Paper No. 518). Washington, DC: World Bank.
- Hills, J., Le Grand, J., & Piachaud, D. (2002). *Understanding Social Exclusion*. Oxford University Press.
- Hirsch, D. (2006). *Where Poverty Intersects with Social Exclusion: Evidence and Features of Solutions*. New York: Joseph Rowntree Foundation.
- Lister, R. (1997). *Citizenship: Feminist Perspectives*. Basingstoke: Macmillan.
- Noyanzina, O.E., Maximova, S.G., & Omelchenko, D.A. (2018). A Model of Social Exclusion of Elderly People in Siberian Regions. *Advances in Gerontology*, 8(1), 58–63.
- Patsios, D. (2000). *Poverty and Social Exclusion Amongst the Elderly*, Bristol: Townsend Centre for International Poverty Research, Working Paper number 20.
- Stewart, F., Brown, G., & Mancini, L. (2005). *Why Horizontal Inequalities Matter: Some Implications for Measurement* (Working Paper No. 19). Oxford: Centre of Research on Inequality, Human Security, and Ethnicity.
- Townsend, P. (1979). *Poverty in the United Kingdom*. Harmondsworth: Penguin.
- Veit-Wilson, J. (2002). Researching Poverty and the Poor. *Journal of Social Policy*, 31(3), 537–544.
- Walker, A. (2000). Poverty and inequality in old age. In Bond J., Coleman P. and Peace S. (Eds.) *Ageing in society: An introduction to social gerontology* (2nd edition). London: Sage.